

другие (большинство крупных предприятий Японии) – более консервативны. Глобальные изменения в японской деловой этике невозможны без фундаментальных перемен базовых культурных ценностей общества, поэтому очевидно, что этот процесс будет долгим и медленным. Вероятно, что как и в случаях с другими японскими заимствованиями, и в деловой среде будет со временем найден определенный компромисс: японская деловая культура частично сохранит свои глубокие традиции, а частично приспособит их к меняющейся среде, постепенно вбирая в себя лучшие достижения мировой практики.

Русский взгляд на Японию: мифы и реальность

В. М. Алпатов

Тема статьи – типичные представления о Японии, распространенные в нашей стране в те или иные эпохи. Речь не будет идти о взглядах специалистов, стремившихся и продолжающих стремиться к исследованию японских реалий, хотя массовые представления могут сказываться и на них (поэтому иногда и их мнения будут учитываться). Я рассматриваю, прежде всего, то, каким образом видели Японию обычные люди, как простые, так и интеллигентные, но далекие от профессиональных занятий данной страной. В таких случаях чаще всего далекая страна видится сквозь призму устойчивых, но меняющихся со временем стереотипов и мифов. Все эти стереотипы и мифы никогда не создаются на пустом месте и отражают некоторую реальность, но это отражение может оказаться очень произвольным. При этом на такие представления всегда влияет ситуация в своей собственной стране, чужой мир рассматривается в сопоставлении с тем, что нравится или не нравится у себя дома.

Сколько-нибудь устойчивые представления о Японии смогли сформироваться в России лишь в период «открытия» этой страны в середине XIX в., когда между двумя государствами установились регулярные контакты. Тогда сложился исторически первый образ Японии как непонятной восточной страны, где всё не так, как у нас. Но при всей привлекательности японской экзотики японцы воспринимались как народ, еще не овладевший вершинами мировой (то есть европейской) цивилизации, а их малый по сравнению с русскими рост усиливал представление о них как о детях.

Такой взгляд на Японию четко выразил первый из крупных русских писателей, там побывавший: это И. А. Гончаров, посетивший Нагасаки еще в конце эпохи сёгуната (1853–1854). Он, в частности, писал: «Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая давно убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее, и внутренние, произвольные законы своего муравейника противопоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде»¹. «Вот

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 6, М., 1952, с. 6.

что значит запереться от всех: незаметно в детство впадешь»². «Младенческий, отсталый, но лукавый народ»³. Гончаров мог даже мечтать: «А что, если бы у японцев взять Нагасаки?... Они пользоваться не умеют»⁴. Спасение от «впадения в детство» писатель видел лишь в отказе японцев от своих традиций и полной европеизации: «Они одни, без помощи; им ничего больше не остается, как удариться в слезы и сказать: “Виноваты, мы дети!” и, как детям, отдаться под руководство старших»⁵.

Существовал и иной взгляд на Японию и японцев, выраженный другим посетившим ее писателем В. В. Крестовским (побывал в Японии в 1880–1881 гг.). Он отмечал и активность японцев в освоении западного опыта, и положительные стороны «высокой, хотя и своеобразной цивилизации»⁶ (что для Гончарова было немыслимо): «Не японцам у европейцев, а этим последним не мешало бы поучиться у японцев, как обращаться с землей и разумно извлекать из нее всю возможную пользу»⁷. Отмечал этот писатель и стремление японского народа «идти в дальнейшей практике уже собственными силами, вполне самостоятельно и не только независимо от европейцев, но даже в некоторый подрыв их знаниям, производительности и сбыту»⁸.

Оба автора, говоря о Японии, думали и о своем государстве. Либерал-западник Гончаров видел в далекой стране лишь ненавистную ему «азиатчину», от которой России надо было, по его мнению, скорее освободиться. В том числе он резко осуждал увиденные им чиновничество и почтение к начальству. Зато Крестовский, стоявший ко времени посещения Японии на крайне правых позициях, оценил всё это иначе: «Насколько развиты в японском обществе чувство взаимного уважения и вместе с тем патриархальная почтительность к старшим по возрасту ли, по положению или по личным заслугам на каком бы то ни было честном поприще»⁹. Для него при переезде из европейской в японскую часть Иокोगамы «на душе становится легко..., в нравственном смысле дышится свободнее»¹⁰. Наконец, еще повод для одобрения: «Службою... не только в качестве чиновников, но просто хожалых, вроде наших городских, не гнушаются молодые люди даже из числа окончивших курс в Токийском университете»¹¹. Не так тогда было в России!

² Там же, с. 32.

³ Там же, с. 123.

⁴ Там же, с. 35.

⁵ Там же, с. 40.

⁶ Крестовский В. В дальних водах и странах, книга вторая. М., 1997, с. 25.

⁷ Там же, с. 314.

⁸ Там же, с. 382.

⁹ Там же, с. 25.

¹⁰ Там же, с. 118.

¹¹ Там же, с. 142.

Однако именно взгляд Гончарова стал в конце века в России преобладающим, хотя, разумеется, изменение исторической ситуации сказывалось: знали и одобряли то, что японцы «отдались под руководство старших». Писали об «ослепляющей картине быстрого, почти сказочного развития всех промышленных сил молодой страны»¹². Но сохранялся взгляд сверху вниз. Даже в очень объективной книге видного географа говорилось, что японцы не создали ничего великого в науке и искусстве (несомненно, имеется в виду лишь наука и искусство европейского типа), хотя в будущем (то есть после окончания европеизации) можно от столь быстро развивающегося народа ждать достижений и в этих областях¹³. А в компилятивном (видимо, основанном на западных источниках) очерке, рассчитанном на интеллигентного читателя, очерк литературы сводился к фольклору, а кратко упоминаемая классическая поэзия подана тоже в фольклорном духе¹⁴. Подчеркивается, что японцы любят сказки; что они «по природе чувствительны, склонны к мечтательности, к вере в сверхъестественное» (отсюда якобы в Японии распространен буддизм)¹⁵. А в однотипном очерке, рассчитанном на широкого читателя, про японцев сказано: «европейцам просто удивительно смотреть, как эти маленькие люди по целым часам без усталости идут с большими тяжестями, не останавливаясь и не отдыхая»¹⁶. Или: «они всегда и всем довольны, с необычайным терпением переносят невзгоды, на всё смотрят весело и никогда не ропшут»¹⁷. Так вряд ли бы написали в те годы о каком-нибудь европейском народе. В том же очерке можно прочесть, что японцы увеселениям «предаются с увлечением, как дети», и что они «большие охотники также слушать различные сказки»¹⁸. Всё это публиковалось за несколько лет до Русско-японской войны.

В том же духе воспринимал японцев и Николай II. По воспоминаниям С. Ю. Витте, «государь был, конечно, глубочайше уверен, что Япония, хотя, может быть, с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги. В первое время обыкновенное выражение его (о японцах – В. А.) в резолюциях было «эти макаки»¹⁹. Результат известен.

Русско-японская война разбила первый образ Японии (хотя в ее ходе официальная пресса активно подчеркивала малый рост и физическую слабость японцев). На его место пришли два других, один из которых оказался непродолжительным, другой очень устойчивым.

¹² Япония и японцы // Новая библиотека «Русской мысли». М., 1901, с. 178.

¹³ Анучин Д. Н. Япония и японцы. Географический, антропологический и этнографический очерк. М., 1907, с. 133. Очерк написан еще до Русско-японской войны, хотя издан позже.

¹⁴ Япония и японцы, с. 72–84.

¹⁵ Япония и японцы, с. 51.

¹⁶ Японцы. Чтение для народа. Составил Ф. Ф. Пуцкович. Спб., 1897, с. 9.

¹⁷ Там же, с. 13.

¹⁸ Там же, с. 12.

¹⁹ Bumme C. Ю. Воспоминания, т. 2. М., 1960, с. 292.

С одной стороны, в ходе войны появилось сочувствие к японцам. В русских сатирических журналах той поры одной из тем была насмешка над симпатиями к ним либеральной «общественности». На одной из карикатур конца 1904 г. нарисованы чествующие японского пленного дамы и господа, изображенные с овечьими головами²⁰. А в сохранившихся в архивах охраны перлюстрированных письмах революционеров постоянно встречаются фразы вроде: «Я радуюсь победам японцев». Всё это не означало реального интереса к Японии: японцев ценили лишь как силу, способную победить и унизить ненавистный царизм. Эта тема перестала быть актуальной после окончания войны и не получила значительного развития.

С другой стороны, гораздо более устойчивым оказался иной образ, прямо противоположный. Он в той или иной мере продолжал господствовать более полувека, пережив изменение общественного строя и несколько изменений политической ситуации. Некоторые его черты появились и до Русско-японской войны. В упомянутом выше очерке «для народа» японцы уже представлены не только как любители сказок: перечислены и «дурные черты японского характера: притворство, коварство и мстительность»²¹. После поражения в войне эти черты в русском массовом сознании вышли на первый план, тем более что поведение японских солдат и офицеров на поле боя подтверждало эти представления.

Всё дальнейшее: японская интервенция на Дальний Восток в годы гражданской войны, пограничные конфликты 20–30-х годов, резко антикоммунистическая политика японской власти, война 1945 г., – еще более усиливало и поддерживало негативный взгляд на японцев, получивший после российской революции и идеологическую основу (разумеется, всегда проводили различие между «реакционной властью» и «народом» и тем более японскими друзьями СССР, однако на практике такой взгляд преобладал). Типична известная песня 1939 г. «Три танкиста» (стихи Б. С. Ласкина) со словами: «И летели наземь самураи под напором стали и огня». Стало стереотипным (существовавшее и раньше) употребление слова «самурай» по отношению к любому японскому военному (в том числе солдату), хотя в Японии это слово перестало употребляться несколько веков назад, а самурайское сословие (называвшееся уже иначе) исчезло после 1868 г. Или, например, фильм о гражданской войне 1937 г. «Волочаевские дни», где действовал японский офицер Усиджима (видимо, неправильно прочитанная сценаристами фамилия Усидзима) в блестящем исполнении артиста Л. Н. Свердлина. Офицер, противопоставленный «нашим» героям, выглядел в фильме очень естественным, но прекрасно соответствовал представлениям о

«притворстве, коварстве и мстительности японцев». Впрочем, многие японцы в те годы и, особенно, во время войны давали основание для таких мнений.

Наряду с такими черно-белыми изображениями, бывали и попытки более глубоко разобраться в природе Японии и японской культуры, к их числу относились две книги известного тогда писателя Б. А. Пильняка, дважды побывавшего в Японии²². Ее автор подчеркивал стремление осмыслить виденное, признаваясь в том, что многое не может понять. Но и у него постоянно присутствует влияние того же стереотипа (усилившегося во второй книге). Вот пример: «Мне страшно представить японского солдата, который, по японскому принципу “наоборотности”, бежит в атаку хохоча, похожий на японских чертоподобных богов»²³. Или: «Психика европейца основана на утверждении, строительстве будущего, японская психика – на утверждении прошлого.... Страна, управляемая мертвецами»²⁴. Остается не вполне ясным, как такая черта сочетается с неоднократно фиксируемой в книге активностью японцев. Даже японская природа для писателя крайне непривлекательна: «Черный злой камень», «страшной злобы, желтая земля»²⁵. Природа Японии – «нищая природа, жестокая природа, такая, которая дана человеку – на зло»²⁶. Из-за природных условий, по мнению писателя, «Япония – нищая страна, страна нищего камня, шалашей вместо жилищ, бобовых лепешек вместо хлеба, тряпок вместо одежды, деревяшек вместо обуви.... Народ свел свои потребности к такому минимуму, от которого европейцы должныдохнуть»²⁷. Современный российский читатель с трудом может поверить в такие оценки.

И при этом японцы при внешней вежливости «не уважают европейца, белого человека»²⁸. Во второй книге даже сказано: «Иероглифы оставлены, чтобы иностранцы меньше знали о Японии»²⁹. Впрочем, Пильняк надеялся на преодоление этих недостатков: «Больше очень и очень многих стран, виденных и знаемых мною, Япония готова выйти из-за заборов национальной своей культуры на большую дорогу – культуры не национальной, а человеческой земного шара»³⁰. Итоговая концепция Пильняка неожиданно похожа на «прогрессистскую» концепцию Гончарова, только в другую историческую эпоху.

Последний вывод в те годы делали и ведущие советские специалисты по Японии. «Европеизированный германской выучки японец и тут

²² Пильняк Бор. Корни японского солнца. Л., 1927. Пильняк Бор. Камни и корни. М., 1935.

²³ Пильняк Бор. Корни японского солнца, с. 103.

²⁴ Там же, с. 29.

²⁵ Там же, с. 22.

²⁶ Там же, с. 62.

²⁷ Там же, с. 54.

²⁸ Там же, с. 82.

²⁹ Пильняк Бор. Камни и корни, с. 79.

³⁰ Пильняк Бор. Корни японского солнца, с. 105.

²⁰ Михайлова Ю. Место Японии в русской и советской национальной идентичности: от Порт-Артура к Халхин-Голу // Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images. Folkestone, 2008.

²¹ Японцы, с. 13.

же крестьянин, живущий чуть ли не так же, как жили его предки в эпоху родового строя. Замысловатый автомобиль около полей и примитивная мотыга на полях... Два мира, несомненно, правда, исторически и всячески связанные друг с другом, но в последнее время разошедшиеся чрезвычайно. Такова новая Япония. Япония последних десятилетий, вся наполненная контрастами и, прежде всего, в области культуры... Культура техническая идет вперед быстрее шагами, культура же духовная (в широком смысле этого слова) в общем, как правило, плетется позади.... Рядом друг с другом «Форд» и «Бедная Лиза», небоскреб и Загоскин»³¹. Вопрос о пути Японии и у Пильняка, и у Конрада ставился в рамках «или – или»: или сохранение отсталых традиций, или относительный прогресс через «выход на большую дорогу», то есть европеизацию (к этому добавлялся и третий, наиболее желательный вариант: пролетарская революция).

Образ жестоких и недоброжелательных японцев сохранялся в массовом сознании и после войны, хотя он (не всегда органично) сочетался с новым стереотипом полуколониальной зависимости от США. В журнале «Огонёк» за 1952 год (вскоре после Сан-Францисского договора) турецкие правители обращались к американцам с таким призывом: «Уравняйте нас с Японией, хотим тоже стать колонией» (стихи Эмиля Кроткого). Вопреки реальности устойчивыми оставались представления о господстве в Японии настроений эпохи милитаризма. В этих рамках воспринимались и японские требования вернуть южную часть Курильских островов; многим казалось, что вслед за ними Япония потребует и другие территории Дальнего Востока.

С таким отношением к Японии я не раз сталкивался в 70-е и даже в 80-е годы. Помню разговор в сентябре 1980 г. со случайным молодым попутчиком, железнодорожником по профессии. Он долго мне доказывал, что в Японии окончательно победил милитаризм и обстановка очень напоминает предвоенную. Я с трудом его понимал, поскольку знал, что никаких существенных изменений в Японии в это время не происходило. Видимо, дело было в том, что в те месяцы после начала афганской войны в Японии активно велась пропагандистская кампания против СССР, а наши СМИ, как всегда в подобных случаях, в долгу не оставались. Сгущение красок в советской печати и на телевидении неискренние читатели и зрители могли воспринимать всерьез, поскольку прежние стереотипы еще жили. Нельзя сказать, что они исчезли даже сейчас. По опросам ФОМ, и в начале 2000-х годов на Дальнем Востоке 43% респондентов называли Японию недружественной страной (против 27% по России в целом)³². Неопределенная ситуация в современной

России и уменьшение контактов Дальнего Востока с остальной страной могут усиливать и опасения возможности территориальных требований Японии.

В то же время уже к 1970-м годам в СССР начал складываться новый, третий по счету (или четвертый, если учитывать японофилию во время русско-японской войны) стереотип в отношении Японии, сразу же приобретший два варианта: либеральный и «почвеннический». На его формирование повлияли два фактора. Во-первых, это экономические и технические успехи Японии. Это государство стало восприниматься как «экономическое чудо: электронная империя, страна Sony и Toyota»³³. Во-вторых, в стране, особенно в среде интеллигенции, усиливались недовольство существующим строем и интерес к достижениям противников в «холодной войне».

Как раз в том же сентябре 1980 г. я случайно оказался в компании с художником русско-националистических взглядов. Я показывал фотографии японских синтоистских и буддийских праздников (*мацури*) и сначала думал, что человеку с такими взглядами они вряд ли будут интересны: слишком далекая от русской культура. Реакция оказалась обратной: художник пришел в восторг и сказал примерно следующее: «Вот замечательный народ! Мы свои традиции забыли и растеряли, а японцы их чтут и сохраняют!». Уже тогда сложились штампы о «стране, совершившей рывок в будущее, но сохранившей национальный дух вместе с кимоно»³⁴.

Впрочем, такие штампы в годы перестройки и в первые годы после нее временно отошли на задний план. Умами овладели представления о Японии как самом успешном примере внедрения в первоначально восточную страну западных ценностей. То, что и И. А. Гончаров, и Н. И. Конрад, и Б. А. Пильняк считали абсолютно или относительно лучшим вариантом будущего, теперь было признано «осуществленной мечтой». Но разница с тем, что писали о японцах раньше, была еще в одном. Ни русские дореволюционные авторы, ни советские авторы 30–50-х годов не могли воспринимать бедную тогда Японию как пример для своей страны. Независимо от их идейных позиций для этого просто не было объективных оснований. Наоборот, и в XIX в., особенно В. В. Крестовский, и тем более после революции думали о примере России или СССР для Японии. Теперь же в общественном сознании возобладало мнение о том, что мы пошли «не туда», достигшее пика после событий 1991 г. Следовательно, нужно было искать примеры успеха в том, что, как тогда многим казалось, нам неизбежно нужно пройти.

Вот типичное для тех лет высказывание (автор – профессиональный политолог, но не специалист по Японии): «Нам волей-неволей придется

³¹ Конрад Н. И. По японской литературе // Сибирские огни, 1928, №3.

³² Куланов А. Е. Образ Японии в современной России: стереотипы и реалии // Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004, с. 63.

³³ Там же, с. 64.

³⁴ Там же, с. 65.

ускоренными методами усваивать либеральные ценности, наращивать для этого соответствующие предпосылки. Кстати, себе же во благо. Как это делали после войны японцы и немцы. Делали нередко через силу, преодолевая самих себя, но – и это очень важно подчеркнуть – не испытывая при этом сейчас сожаления. Напротив, насколько я могу судить, считают либеральные ценности своим национальным достоянием, ими гордятся, мало заботясь о том, откуда они к ним пришли»³⁵. Объединение в единое целое послевоенных процессов в Германии и Японии в те годы встречалось часто и встречается до сих пор. Еще из той же статьи: «Если либералы хотят успеха, то и их партия, подобно японской ЛДП, должна объявить себя “общенародной партией”, которая стремится построить не капитализм, а именно “общество всеобщего благосостояния”, где слабые будут защищены, а сильным будет предоставлен широчайший простор для проявления их силы, таланта и усердия в сфере созидания»³⁶. Создание еще в перестроечные годы Либерально-демократической партии России (старейшей из донныне существующих у нас некоммунистических партий) также было проявлением желания копировать японские образцы.

Так рассуждали в политической сфере. Но столь же возвышенный образ Японии создавался и в областях культуры и быта. К появившемуся еще в советское время интересу к дзэн-буддизму и боевым искусствам добавился, например, интерес к японской кухне; в 90-е годы ненадолго стала популярной японская классическая литература (при том, что интерес к современной литературе уже тогда явно упал); забыли когда-то популярное игровое японское кино, зато модным стало увлечение японской мультипликацией (*анимэ*).

При этом бросается в глаза три обстоятельства. Во-первых, осваивается (в отличие от советского времени) не столько японская культура как таковая (включая бытовую культуру), сколько мировая культура глобализации, создаваемая в США, но включающая в себя элементы разного происхождения, в том числе японского. Это видно хотя бы из фонетического облика соответствующих слов, вошедших в русский язык в последние двадцать лет или впервые ставших в нем распространенными. Если в «Большом японско-русском словаре» 1970 г. есть только *суси* и *сасими*, как и положено быть заимствованиям из японского языка, то сейчас господствуют *суши* и *сашими*, что свидетельствует об их появлении через посредство английского языка³⁷. Во-вторых, японское влияние заметно и скорее усиливается в массовой культуре (боевые искусства и *анимэ* по-прежнему популярны), но иначе, пожалуй,

дело обстоит в области высокой культуры. Бум интереса к японской классике в традиционном стиле уже скорее в прошлом, а в журнале «Иностранная литература», где в 2012 г. после перерыва в 19 лет всё же издали специализированный номер по литературе Японии, привели список японских публикаций журнала, из которого видно, что их число после 1999 г. резко сократилось³⁸.

И, в-третьих, как справедливо писал А. Е. Куланов, «сейчас наиболее популярна в России та Япония, которой не существует»³⁹. И в политике, и в культуре «россияне придумывают некое идеальное общество на Японских островах.... Негативные стороны жизни современной Японии в России почти не известны. Информация о них интересует нас мало – обидно, когда разрушаются сказки»⁴⁰. Поэтому представления о Японии в России не подверглись какой-либо коррекции, когда Япония оказалась в длительной стагнации.

Если представления о самой Японии за двадцать последних лет мало изменились, то иными стали связанные с ними самооценки. Как из ЛДПР не получилось российской ЛДП, так и первоначальные надежды на успешное освоение японских образцов, очевидные в приведенных выше цитатах, рухнули еще в 1990-х годах. Их место в массовом сознании заняли идеи о безнадежности каких-либо попыток не только догнать Японию и другие передовые страны, но и что-то продуктивно использовать из ее опыта.

Вот пример, связанный не только с Японией, но отражающий массовые представления о «цивилизованных» странах вообще. Воронежский языковед описал разговоры соседей по палате в больнице во второй половине 1990-х годов. Это были люди физического труда разного возраста и обеспеченности, объединенные общим пессимистическим настроением. Одной из тем разговоров (наряду с выпивкой, бабами, деньгами и пр.) была тема «Заграница». «Обсуждение идет в рамках сопоставления *у нас* – *у них*, причем преобладает положительная оценка того, что *у них* и скептическая, даже пренебрежительная – того, что *у нас*. Устойчиво высказываются суждения: ... «у нас никогда так не будет», «они умеют», «у них здорово», «у них народ другой, не то, что у нас»⁴¹.

Подобные настроения, закрепленные, в том числе, в анекдотах, распространены и сейчас, не только среди людей физического труда. Я иногда задаю контрольный вопрос: «Где раньше появилось телевидение: у нас или в Японии?». Почти все (исключая, разумеется, специалистов) отвечают, что, конечно, в Японии, хотя историческое соотношение

³⁵ Кива А. Тупики и перспективы российского либерализма // Независимая газета. 11.05.1994.

³⁶ Там же.

³⁷ Подробнее см.: Алтатов В. М. Сасими или сашими? – Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008.

³⁸ Иностранная литература. 2012, №2, с.277–278.

³⁹ Куланов А. Е. Образ Японии в современной России..., с. 55.

⁴⁰ Там же, с.65–66.

⁴¹ Стернин И. А. Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // Жанры речи. 1999, вып. 2, Саратов.

обратно. Многие не верят, что Япония когда-то была бедной страной: теперешнее соотношение легко проецируется в прошлое, и кажется, что отставание России от Японии либо изначально, либо возникло после 1917 г. А ведь когда-то И. А. Гончаров имел основания считать, что японцы ничем «пользоваться не умеют».

Но в то же время подобные настроения способствуют некоторому освоению японского опыта, однако, не в реальном, а в виртуальном мире. Уже упоминавшиеся *аниме* и японские комиксы – *манга* имеют в России немалое число поклонников. Как пишут исследователи этого явления, типичные их фанаты – люди достаточно образованные, знающие иностранные языки и регулярно пользующиеся Интернетом, но материально не успешные и не слишком довольные жизнью. В Японии подобные фанаты – обычно школьники или студенты, однако в России такое увлечение сохраняется, по крайней мере, до 35 лет⁴². Мотивация этого очевидна: уход в воображаемый мир картинок – один из способов отвлечься от окружающих проблем.

Разумеется, образы Японии в современной России многообразны. Для одних это образец для подражания, для других это навсегда ушедшая вперед «нормальная страна», отличная от «проклятой богом» России. Одни видят в «экономическом чуде» успешный пример отказа от собственного пути развития и освоения «единственно верных» либеральных ценностей, другие вслед за В. В. Крестовским полагают, что японцы идут «собственными силами, вполне самостоятельно», опираясь на традиции; после разочарований в «реформах» 1990-х годов такие взгляды стали распространеннее. Существует и определенная боязнь «притворных, коварных и мстительных» японцев, наиболее заметная на Дальнем Востоке. Наконец, на Японию может распространяться и усилившееся в последние годы общее недоброжелательство по отношению к загранице, но всё же, пожалуй, меньшее, чем в отношении США. И в целом, пожалуй, позитивные оценки Японии наиболее типичны.

Отмечу еще одну особенность, на которую недавно обратил внимание в одной из публикаций журналист Ю. В. Тавровский: «У нас интерес к культуре откровенно недружественной Японии превышает любопытство к достижениям цивилизации “стратегического партнера” (то есть Китая)⁴³. Как ни трактовать российско-китайские и российско-японские отношения, но сказанное относительно интереса верно. Причины этого вряд ли можно определить однозначно, действует целый ряд факторов. Это и длительный период конфликта СССР с КНР (тогда как война с Японией была гораздо раньше, и ее свидетелей уже немного), и влияние постсоветских СМИ, противопоставляющих по западным образцам

«коммунистический Китай» и «демократическую Японию», и устойчивые уже не одно десятилетие представления о богатой Японии и бедном Китае, и активная деятельность японских информационных центров, пока несравнимая с аналогичной деятельностью Китая, и значительный японский компонент в культуре глобализации, где пока что китайский компонент много меньше. А положение, при котором в мировом развитии Китай обгоняет Японию, не то, чтобы неизвестно, но пока с трудом осваивается массовым сознанием. Что будет дальше, пока сказать трудно.

Итак, образы Японии в российском (включая советское) массовом сознании не раз менялись. Все эти образы имели какую-то реальную основу, которая, однако, как-то искажалась, иногда фантастическим образом, они могли быть противоположными друг другу. И всегда, глядя на Японию, думали о собственной стране.

⁴² Михайлова Ю. Д., Торчинов Е. А. Образы в тупике: аниме и манга в современной России // Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images. Folkestone, 2008.

⁴³ Независимая газета. 21.03.2012.